Тенд[illegible]ции

Егор ГАЙДАР: Революция оста[illegible]лась в XX веке — реформы прод[illegible]лжаются в XXI

Лидер СОЮЗА ПРАВЫХ СИ[illegible] о новой стратегии правых

Прошел год с момента избрания нового парламента и прихода в Кремль нового президента России. Трудно отделаться от ощущения, что перемены, пережитые страной на рубеже века и тысячелетия, отражают начало новой политической эпохи, которая определит контуры будущего страны на достаточно продолжительный срок... О связи событий минувшего года с общими процессами посткоммунистической трансформации, об их значении для России и о задачах, стоящих сегодня перед политиками правого фланга, размышляет один из лидеров СПС, автор российских либеральных реформ Егор ГАЙДАР.

Революция и постреволюционная стабилизация

Мне представляется крайне важным рассматривать текущие события в логической связи как с историей последнего десятилетия, так и с тем, что может ожидать нас в ближайшем будущем. Постараемся сохранить чувство исторического процесса.

В минувшие 10 лет в России произошла полномасштабная социальная революция, со всеми ее характерными чертами. Радикально изменилась система политических институтов и экономических отношений, в обществе и внутри элит вскрылись глубокие разногласия по принципиальным вопросам государственного и общественного устройства, вспыхнула борьба за перераспределение собственности. Проявились обычные для периода революций слабость и неэффективность власти, политическая и финансовая нестабильность.

„В минувшие 10 лет в России произошла полномасштабная социальная революция.„

Причина у всех революций одна — заскорузлость существующих институтов власти, их неумение адаптироваться к новым вызовам времени, неспособность эволюционно, в упорядоченном режиме реформировать себя. Российская революция 90-х годов в этом смысле не исключение. Но ее специфика в том, что это была первая масштабная революция постиндустриального общества. Поэтому она отличалась ограниченным применением насилия, обширными компромиссами с элитами предшествующего режима.

Всякая революция раньше или позже оканчивается постреволюционной стабилизацией. В обществе накапливается усталость от безвластия и непредсказуемости, в рейтингах социальных ожиданий на первое место выходит «наведение порядка». Созревает принципиальное согласие и готовность принять важнейшие итоги революции как базу для восстановления стабильности в условиях новой реальности. Когда пришедшее к руководству страной осенью 1999 года правительство Примакова, опиравшееся на коммунистическое большинство в Думе, не посмело ни шагу сделать для демонтажа рыночных институтов, когда к декабрьским выборам 1999 года все политические партии, имевшие хоть какие-нибудь шансы попасть в Думу, пришли с программами, ориентированными на сохранение рынка и частной собственности, стало ясно, что в российском обществе такое базовое согласие достигнуто.

Да, идет и будет идти острейшая борьба вокруг перераспределения собственности, споры о том, в каких именно формах должна функционировать у нас рыночная экономика. Но сам факт существования рынка в России уже принимается всеми как данность. Это создает предпосылки для радикального усиления власти. Период рыхлого государства и слабых правительств, характерный для всех революций и обусловленный не недостатками того или иного политика, а самой природой революционного процесса, всегда суживающего диапазон эффективных политических действий, — этот период сменяется периодом укрепления власти, когда уставшее общество готово предоставить новым правителям гораздо более широкое поле для политического маневра.

Для всех нас принципиально важно, как новые правители этой свободой маневра распорядятся.

В Англии, например, именно после социальной революции была сформирована система гарантий частной собственности, которая послужила базой промышленной революции и стала основой доминирования Британии в мире на протяжении последующих двух веков. Во Франции конца XVIII века после революционной стабилизации правительство втянуло страну в многолетние завоевательные войны. В СССР постреволюционный период и вовсе был использован Сталиным для вторичного закрепощения крестьянства и формирования жесткой тоталитарной диктатуры, отбросившей страну на многие десятилетия назад.

Характерные для постреволюционной стабилизации признаки политической амбивалентности ощущаются и в сегодняшней России. С одной стороны, открывают широкие возможности для проведения властью полезной, осмысленной политики, опирающейся на новое согласие в обществе и наделенной на решение проблем, которые не решались и считались неразрешимыми на протяжении всех предшествующих лет. С другой стороны, намечается серьезная опасность того, что укрепление власти приведет к формированию недемократического режима, что вслед за стабилизацией мы получим нарастание авторитарных тенденций.

«Усталое» общество, дискредитация многих демократических ценностей революционного периода, ностальгия по символам старого режима — явления, присущие отнюдь не только России конца XX — начала XXI века. В то же время опыт мировой истории свидетельствует, что конец революции — это далеко не обязательно конец реформам. Вопреки догме мы не считаем, что за революцией непременно следует контрреволюция или реакция. Пользуясь вместо этих терминов понятием постреволюционной стабилизации, мы имеем в виду, что общество сегодня вышло на своего рода площадку, где можно перевести дух и определить направления дальнейшего движения. От того, как общество и власть реализуют возможности, заложенные российской демократической революцией 90-х годов, от сегодняшних решений и действий зависит облик[illegible]ог и место всего последнего десятилетия XX века в российской истории.

2000 год — надежды и соблазны

Чем же стала для России революция 90-х? Оказалась ли она тяжелым, но спасительным путем к созданию дееспособной демократии с эффективной рыночной экономикой, обеспечивающей возможности адекватного развития России в XXI веке, — или же это был пролог к созданию замкнутого косного режима с нарастающим отставанием под аккомпанемент старых мифов и гимнов? Посмотрим, как эти возможности реализовались в политической практике первого года постреволюционной стабилизации.

ЭКОНОМИКА. Здесь наблюдаются очевидные признаки подъема. Быстро растет валовый внутренний продукт, промышленное производство, инвестиции, реальные доходы населения. По поводу причин этого подъема много дискуссий — связан ли он с реформами, которые сегодня проводятся в экономике, или полностью обусловлен реальной девальвацией рубля и высокими ценами на нефть. Позволю себе высказать суждение, что нынешний подъем экономики не связан ни с тем, ни с другим. Во-первых, реформы, которые проводятся в последние месяцы, технологически способны принести реальные плоды никак не раньше 2001 года, и связывать с ними подъем 1999—2000 годов было бы странно. Во-вторых, высокие цены на нефть благоприятны для России, но крайне неблагоприятны для Украины. А мы видим, что экономический подъем начинается отнюдь не только в России, но и в других государствах СНГ. Наконец, бывали у нас времена, когда реальный курс рубля был неизмеримо ниже, чем сегодня, но тогда мы почему-то имели не экономический подъем, а резкое падение производства.

На самом деле, объяснение в другом. За предшествующие годы в России сформировалась критическая масса неплохо управляемых, рыночно ориентированных предприятий, способных обеспечить нормальное производство за счет ресурсов, которые высвобождаются из неэффективного, доставшегося по наследству советского сектора. Этот процесс шел медленно — из-за неподъемности накопившихся в советскую эпоху проблем, из-за слабости проводившейся экономической политики, но все-таки шел. И сейчас, наконец, стало возможным использовать накопленную базу для целей, обеспечивающих экономический рост.

Период падения длился долго, дольше, чем в Восточной Европе. Но он подошел к концу. Однако не надо думать, что это само по себе гарантирует нам базу устойчивого экономического роста. Нынешней России осталось от Советского Союза и от эпохи переходного периода тяжелое наследство. По опыту других стран мы знаем, что в таких условиях экономический рост может оказаться весьма неустойчивым и кратковременным. Необходимая предпосылка устойчивости — максимальное использование сегодняшних благоприятных возможностей для решения важнейших структурных проблем, для продвижения реформ по ключевым направлениям.

Важным и позитивным результатом 2000 года стал тот факт, что правительство проявило политическую волю и нашло в себе мужество не только сформировать программу глубоких структурных преобразований, но и начать ее практическое воплощение. Хотя именно в прошедшем году оно столкнулось с серьезным психологическим препятствием. Дело в том, что высокие цены на нефть — фактор скорее расслабляющий: легко проводить жесткую политику, когда у тебя нет денег и нет выбора. Труднее, когда они есть. Реформы вообще начинают не от хорошей жизни, а лишь тогда, когда отступать некуда. Правительство не поддалось соблазну легких решений, и это внушает оптимизм.

Важнейшим результатом минувшего года можно назвать начало налоговой реформы. О ней много говорили еще в период правления Б.Н. Ельцина, но тогда для нее не нашлось политической базы. Теперь база появилась, и в 2000 году удалось сделать ряд важных шагов в этом направлении: введение «плоского» подоходного налога с регрессивной шкалой, отмена оборотных налогов и др.

Но это только начало. Предстоит принять 29 глав Налогового кодекса. У нас остается весьма архаичным налогообложение прибыли. Запутанное, непонятное налогообложение всего энергетического сектора, ресурсные налоги и т.д. Словом, предстоит тяжелейшая борьба по многим направлениям налоговой реформы. Но то, что удалось серьезно продвинуться в ключевом направлении, обеспечивающем возможность экономического роста, легализацию экономики и сокращение теневого оборота, мне кажется очень позитивным результатом.

Страна значительно продвинулась по пути упрочения фискального федерализма. У нас был очень замысловатый порядок распределения доходов и расходных полномочий между разными уровнями бюджетной системы. Тут и понятная масса проблем. Но те шаги, которые в 2000 году были предприняты — в частности, практически полная передача в федеральный бюджет налога на добавленную стоимость, а в региональные бюджеты — подоходного налога, позволяют существенно выровнять доходную обеспеченность регионов и сделать более осмысленной систему формирования и распределения бюджетных средств по уровням власти.

„Правительство не поддалось соблазну легких решений, и это внушает оптимизм.„

Заметные шаги сделаны правительством в направлении унификации ставок таможенных пошлин и снижения их общего уровня, что очень важно для обеспечения интеграции России в мировую экономику.

А вот продвижение в области банковской реформы, в области упрочения прав собственности, в области реформы естественных монополий было более чем ограниченным.

Тем не менее беспорным достоинством экономической политики России в минувшем году стала последовательная реализация правительством «правой» или, лучше сказать, нормальной экономической программы.

ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО. Второе важнейшее направление, по которому страна серьезно продвинулась, — реформа федеративного устройства: формирование системы федеральных округов, реформа Совета Федерации. Однако результаты этого продвижения вызывают смешанные чувства.

С одной стороны, перемены здесь абсолютно необходимы. Не может нормально существовать федерация, в которой федеральные законы не выполняются ее отдельными субъектами. Не может нормально существовать федерация, где региональные власти ставят ограничения на пути товаропотоков между регионами. Не может существовать федерация, где исполнение или неисполнение законов зависит от прихоти того или иного местного руководителя (как, впрочем, и федерального чиновника любого уровня). И в этом плане предпринятые президентом шаги по укреплению единой системы власти в стране абсолютно логичны, естественны и правильны. Я убежден, что фракция СПС правильно сделала, что поддержала их в Государственной Думе.

Вместе с тем именно потому, что мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации, движение в этом направлении сопряжено с большим риском. Есть опасность, что, увлекшись укреплением «вертикали власти», центральная власть потеряет меру и начнет вмешиваться из Москвы в вопросы, целиком и полностью относящиеся к компетенции регионов и местных властей. Между тем тот факт, что Россия является на сегодня пусть несовершенной, но все же реальной федерацией, — один из важнейших позитивных результатов предшествующего развития.

Конечно, федерацией управлять гораздо труднее, чем унитарным государством. Здесь тоже есть очевидный соблазн легких решений. Но Россия может быть демократией только как федерация с развитым местным самоуправлением: она слишком сложно устроена, слишком разнообразна. Любая попытка начать восстановление де-факто унитарного государства будет крайне вредной и опасной затеей. «Союз правых сил» будет категорически против такого развития событий, против подрыва основ федерализма и местного самоуправления. Мы очень надеемся, что власть по этому губительному пути не пойдет, и намерены сделать все, чтобы удержать ее от этого.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА. В этой сфере власть в минувшем году сделала, на мой взгляд, целый ряд важных шагов вперед. Из них наиболее серьезным является решение о масштабном сокращении численности Вооруженных Сил в течение следующих трех лет, с направлением высвобождаемых средств на решение социальных проблем военнослужащих, на улучшение боевой подготовки и оснащение армии современным вооружением.

Сами проработки по упрощению структуры управления войсками, по изменению системы приоритетного развертывания отражают реалистичный подход нашего руководства к задачам военной реформы. Но здесь также предстоит огромная работа. Остается немало нерешенных вопросов и в области военного образования, и в области системы комплектования войск. Хотя приняты многие правильные решения, многое будет зависеть и от того, как эти решения будут воплощаться в жизнь в 2001—2002 годах. Сопротивление будет отчаянным — задеты интересы очень влиятельных политических сил.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ. Область, где в наибольшей степени проявились угрозы, характерные для периода постреволюционной стабилизации, — это, конечно, вопросы функционирования демократических институтов и сохранения реальной свободы слова. Именно здесь риск отката от демократических завоеваний 90-х наиболее велик. К этому склоняют и наши дурные традиции, приобретенные за десятилетия советской и столетия досветской эпохи, и дискредитация многих демократических принципов и ценностей, произошедшая уже в ходе самой революции. Надо признать, кстати, что «олигархи», которые первыми попали под жернова новой власти, в свое время немало сделали для дискредитации свободы слова в России.

Однако надо понимать и то, что свобода слова и демократические институты нужны не Гусинскому с Березовским — они нужны России, всем ее гражданам. И нужно быть очень наивным, чтобы не видеть, что за давлением на «Медиа-Мост» стоит отнюдь не только финансовые проблемы. Подобного рода демонстративные действия уже отзываются удвоенным или утроенным эхом в регионах, где местные чиновники с удовольствием берут пример с федеральной власти, наглядно показывающей, как надо работать с неподконтрольной прессой. Признаки этого мы видим во многих субъектах федерации, и это предельно опасная тенденция.

Вообще та идеология, с которой заигрывали многие наши либеральные экономисты и которая сводится к тому, что «не нужна нам демократия, а подайте нам лучше российского Пиночета, и черт с ними, с демократическими свободами, надо сначала создать эффективную рыночную экономику», — эта идеология представляется мне крайне наивной и крайне опасной. Да, в истории можно найти примеры эффективных в экономическом отношении авторитарных режимов, но только в порядке исключения. Учитывая же наши традиции, горазадо реалистичнее предположить, что российский авторитаризм окажется, ко всему прочему, еще и настолько коррумпированным, что не в состоянии будет проводить никакой осмысленной экономической политики.

А кроме того, мы ведь живем уже в XXI веке. Это век быстро меняющихся глобальных условий, когда важно не то, сколько ты настроил заводов, а то, в какой мере ты способен адекватно реагировать на вызовы меняющегося мира. Демократия пусть и не самый совершенный, но по сравнению со всеми другими — лучший инструмент адаптации к миру, обеспечивающий гибкость и эффективность подобной реакции. Подрыв демократических институтов, за которые мы так дорого заплатили, был бы страшной трагедией для нашей страны. Мы все равно будем вынуждены потом их снова формировать. И это снова будет тяжело и больно. Россия просто заплатит дополнительную цену за то, что ею уже оплачено.

„Свобода слова и демократические институты нужны не Гусинскому с Березовским — они нужны России, всем ее гражданам.„

Не говоря уже о невосполнимом ущербе, который любое ограничение свободы слова нанесет усиленно развивающимся сегодня в России информационным технологиям и информатизации. Это значило бы необратимое отставание от стран с постиндустриальной экономикой — всех как одна демократических.

В этой связи мы считаем угрозу свободе слова и демократическим институтам вполне реальной и очень опасной. Мы прекрасно сознаем, что для ее реализации отнюдь не обязательно вводить чрезвычайное положение. Перед глазами опыт многих наших соседей по СНГ, где формально демократия вроде бы налицо, но все понимают, что на самом деле она игрушечная. У нас, при всех наших проблемах, демократия до сегодняшнего дня была хоть и молодым, но реально действующим инструментом. И мы обязаны сохранить этот инструмент на этапе постреволюционной стабилизации. Это — наша важнейшая задача, за это мы должны и будем бороться.

Подводя итог, можно сказать, что 2000 год был годом серьезных возможностей для дальнейшего продвижения либеральных реформ. По ряду направлений эти возможности были использованы, и есть предпосылки к тому, чтобы использовать их и дальше в полном объеме. Вместе с тем проявились и серьезные угрозы для российской демократии, причем и вполне реальные. И противодействие этим угрозам, очевидно, станет нашей важнейшей политической задачей в наступившем году.

Позиция и задачи СПС

Когда власть делает что-нибудь с нашей точки зрения неправильное — поддерживает гимн на музыку Александрова или предпринимает шаги, угрожающие демократическим правам и свободам — среди сторонников СПС, естественно, поднимается вопрос о том, не пора нам переходить в оппозицию.

Наш подход заключается в следующем. Есть вещи, которые мы себе не можем позволить. Самое главное — мы не можем позволить себе играть словами. Напомню — на дворе фаза постреволюционной стабилизации, когда в цене конкретные дела и политическая ответственность. Переход в оппозицию — это не красивый жест, а серьезное политическое решение, которое влечет за собой как минимум три важных последствия.

Первое. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны призвать наших коллег и единомышленников, работающих в правительстве (а таких немало), выйти из правительства и не участвовать в его работе. Будет ли это полезно? Думаю, что сегодня это будет вредно — и для России, и для СПС.

Второе. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны быть готовы поддержать вотум недоверия нынешнему кабинету. Да, по отдельным существенным направлениям у нас есть претензии к правительству Касьянова. Но в целом оно пока работает достаточно хорошо, приняло близкую нам программу и довольно активно принялось ее реализовывать. Так почему мы должны, объединившись с коммунистами, голосовать за вотум недоверия?

Третье. Если СПС — оппозиция, значит, мы должны отказаться от поддержки бюджета, внесенного правительством. Разумеется, тот бюджет, который мы приняли, был, как и любой бюджет, результатом политических компромиссов. Будь моя воля, я бы многое в нем изменил и усилил. Но вместе с тем должен признать, что это — лучший бюджет России за последние 10 лет. Что ж — мы должны были проголосовать против этого бюджета и тем самым подвинуть правительство к коалиции с коммунистами, которая бы этот бюджет только ухудшила?

Словом, переход в оппозицию был бы политической ошибкой, и делать этого сейчас ни в коем случае нельзя. Но это совершенно не значит, что мы вообще исключаем для себя возможность такого решения. События могут развиваться таким образом, что у нас просто не останется иного выхода. Только шаг этот нужно совершать, тщательно взвесив все «за» и «против», оставая себе отчет в том, что значит слова, которые мы произносим.

На сегодня лучшее, что мы можем сделать, — это наращивать возможности нашего влияния на проводимую политику. Мы должны вести диалог с правительством и поддерживать его везде, где оно реализует наши программные установки, и в то же время жестко оппонировать ему там, где оно делает неверные шаги, особенно в вопросах, касающихся прав и свобод человека.

Представляется важным очертить главные направления, прогресс в которых будет определять отношение СПС к политическому курсу руководства страны. На этих же направлениях и мы, со своей стороны, должны сконцентрировать свои возможности влиять на государственную политику.

ЭКОНОМИКА. Огромное поле работы. В части налоговой реформы предстоит серьезная борьба за снижение ставки налога на прибыль. Я думаю, оптимальным было бы снижение до 25%, что стало бы важным фактором повышения конкурентоспособности нашей экономики, улучшения инвестиционного климата. Предстоит борьба за ликвидацию налога с продаж, сочетание которого с налогом на добавленную стоимость в высшей степени вредно.

Пока сделаны только первые шаги в части принятия новых законов о защите частной собственности. И важнейшие для нас политические приоритеты — это Закон о земле и голосование по 17-й главе Гражданского кодекса. От того, в каком виде будут приняты Земельный и Гражданский кодексы, зависит, получит ли частная собственность в России надежные правовые гарантии, что крайне важно для развития рыночной экономики.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. В стране допотопная и чудовищно неэффективная структура государственных расходов. И здесь предстоит серьезная борьба и работа. Правительство дорого заплатило за компромисс, на который оно пошло с коммунистами при формировании комитетов Госдумы. Теперь оно сталкивается с тяжелейшими проблемами при продвижении всего, что связано с социальной реформой. Здесь реформа еще толком и не начиналась. В этой области позиция правительства и наша позиция совпадают; власть во многом стремится реализовать наши программные установки. Это «окно возможностей» мы должны использовать по максимуму.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. Важнейшее направление работы в этой сфере — вопросы, связанные с реформированием судебной и пенитенциарной систем, с обеспечением юридических гарантий неприкосновенности личности, ее прав и свобод. Так получается, что об этих правах и гарантиях мы чаще всего вспоминаем, когда кто-то из известных деятелей оказывается за решеткой. Но у нас до суда по многу месяцев сидят за решеткой сотни тысяч людей. Колоссальное количество граждан находятся в тюрьмах без достаточных оснований. Тюрьмы переполнены, условия в них ужасающие. Фракция СПС много сделала для реформы уголовного законодательства в плане ограничения наказаний, связанных с лишением свободы. Эту работу надо довести до конца.

Но беда в том, что плохо функционирует вся судебная система, в том числе из-за скудости выделяемых средств. Благодаря позиции СПС в бюджете 2001 года эту статью расходов удалось увеличить в максимально возможной степени. Тем самым мы заложили основу развития судебной реформы по многим направлениям, которые плохо известны, но эти недостатки — ссылками на отсутствие денег, будь то создание судов присяжных или введение института мировых судей. Очень важно, чтобы теперь это было реализовано.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА. В этой сфере руководством страны намечены верные общие направления. Но налицо и колоссальное сопротивление. Мы по-прежнему убеждены, что в будущем Россия должна перейти на профессиональную армию. Мы не наивные люди и хорошо понимаем, что столь сложная задача не может быть решена в одночасье. Она предполагает целый комплекс болезненных изменений во всей системе военной организации. Тем не менее мы работаем над тем, чтобы предложить правительству реалистичную, финансово обоснованную программу долгосрочной военной реформы, предусматривающей переход на профессиональную армию с сохранением мобилизационного потенциала страны.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ. В минувшем году наша фракция активно работала в области реформы образования. Усилиями СПС и «Яблока» удалось добиться существенного увеличения финансирования народного образования в 2001 году. Благодаря этому, в частности, на программу компьютеризации системы образования выделено дополнительно 4,8 млрд рублей. В этой области правительство сформулировало неплохую программу, и очень важно обеспечить ее выполнение. Это — тоже важнейший наш приоритет.

В заключение — еще об одной ключевой для правого политического крыла задаче на текущий год: **о наращивании нашего собственного политического потенциала.**

Сейчас достаточно очевидно складывается структура политических партий, которая будет определять лицо России на ближайшие годы. В этой структуре в том или ином виде обязательно будет присутствовать «партия власти». Партия эта всегда будет идеологически достаточно аморфна, но в ней непременно присутствует влиятельная, ориентированная в прошлое группа левокоммунистической бюрократии. На этом фоне явно обозначается возможность и необходимость создания **сильного правого противовеса**, особенно с учетом тех процессов сближения, которые происходят сейчас между СПС и «Яблоком».

Власть всегда реагирует на силу. И она будет реализовывать наши программные установки, будет продвигать Россию в мир XXI века только в том случае, если «Союз правых сил» будет сильной политической структурой.

В этой связи вопросы укрепления СПС, усиления наших позиций в регионах, нашего участия в региональных выборах, нашего объединения — это и есть те важнейшие политические вопросы, которые во многом определят развитие России XXI века.

• Справка «Известий»

ГАЙДАР Егор Тимурович. **Родился в 1956 году в Москве. Окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С октября 1990 года — заместитель председателя Правительства РСФСР, министр экономики и финансов РСФСР. В 1992 году — первый заместитель председателя Правительства РФ. С июня по декабрь 1992 года — исполняющий обязанности председателя Правительства РФ. С сентября 1993-го по январь 1994 года — первый заместитель председателя Правительства РФ, председатель фракции «Выбор России». В декабре 1999 года вновь избран депутатом Государственной Думы. С июня 1994 года по настоящее время председатель партии «Демократический выбор России». Основатель и директор Института экономики переходного периода.**